

Жила-была девочка Аня. Аня Горенко, родившаяся под Обес-
сой. Училась в гимназии, писала
стихи.

Радостно и ясно
Завтра будет утро.
Эта жизнь прекрасна.
Сердце, будь же мудро.
Когда стала печататься, отец-
инженер велел подписываться ка-
кой-нибудь другой фамилией, что-
бы Горенко не позорить. Она взя-
ла фамилию прабабки и стала —
Ахматовой.

А стихи уже были нешуточные
и провидческие. В двадцать шесть
лет она, уже известный, признан-
ный, согретый славой и любовью
поэт, счастливая жена и мать, та-
кая неземная и изысканная, ка-
кой ее сохранила для нас кисть
Натана Альтмана, писала:

Иди один и исцеляй слепых,
Чтобы узнать в тяжелый час
сомнения
Учеников злорадное глумленья
И равнодушие толпы.

И вот спустя полвека она же,
но уже в белой шали, накинутой
на голову, тяжело идет по кома-
ровской дороге. Все случилось так,
как она сама себе напроорочила: и
одиночество, и сомнение, и боль,
и равнодушие.

Впрочем, равнодушие к ней, к ее
позиции, осталось, хочется верить,
в прошлом. В том прошлом, о ко-
тором рассказывает новая худо-
жественно-публицистическая де-
ла С. Арановича «Личное дело
Анны Ахматовой». Идущая по ко-
маровской дороге Анна Андреев-
на — кадр из этого фильма. Пре-
ьера его состоялась в юбилейные
ахматовские дни и, чему сама бы-
ла свидетель, прекрасно была при-

нята искушенной публикой Дома
кино.

Зрители, вероятно, помнят мно-
гие работы этого мастера — од-
ного из ведущих в современной
советской кинодокументалистике.
Арановичем сняты фильмы о Горь-
ком («21 год пролежал «на полке»») и М. Ф. Андреевой, о первой
советской женщине-дипломате
Коллонтай и летчике-испытателе
Гарнаеве, о дипломате ленинской
школы Леониде Красине и худ-
ожнике Есеев Моисеевко. А в по-
следний год параллельно со съем-
ками картины об Ахматовой его
группа на «Ленфильме» работала
над лентой «Я служил в охране
Сталина». Она вышла в канун от-
крытия Съезда народных депута-
тов, представив нам тот же срез
времени, в каком жила и Ахмато-
ва, но только увиденный совсем
иными — незрячими глазами. Та-
кие вот два цвета у эпохи, такие
два взаимно исключающих лика —
поэт и охранник...

Корреспондент «ЛЭ» попросил
режиссера С. Арановича расска-
зать о работе над картиной об
Анне Ахматовой.

— Семен Давыдович, представ-
ляя фильм на премьере, вы гово-
рили, что его первые кадры сня-
ты в день похорон Анны Андре-
евны, в марте 1966 года в Кома-
рове. Хотелось бы узнать более
подробно об обстоятельствах этой
съемки. Ведь это сейчас Ахмато-
ва официально признанный поэт,
юбилей которого отмечается во
всем мире, а 23 года назад она
была достаточно забытой лич-
ностью. Целые поколения выросли
без нее. Так что же вас побуди-
ло тогда взяться за камеру?

— Мы понимали, что умер ве-
ликий русский поэт. Ее долгие го-
ды, десятилетия окружала глухая
травля, одиночество, горе. Погиб
муж, трижды в лагерях сидел сын.
Не шли книги. Как она иногда
наивно верила, что с клеветой, с по-
становлением 46-го года разбе-
рется, как отказывалась редакци-

ровать в угоду конъюнктуре соб-
ственные сборники...

Для меня не было никаких сом-
нений в том, что похороны сним-
ать необходимо. Вообще, с того
момента, как я поступил во ВГИК,
демобиловался из ВВС, я хот-
ел и был готов снимать фильм
об Ахматовой. Я думаю, многие
кинематографисты могли бы ска-
зать, что они снимают потому,
что видят в этом свой граждан-
ский долг. Мы должны беречь
свою культуру и стараться воз-
буждать это чувство в других.
Тогда и будет движение культур-
ного потока, то, что мы зовем
прогрессом.

Но знаю, ВГИК ли меня так вос-
питал, или предыдущее чтение, но
в кино я пришел именно для это-
го. Для нас ее поэзия была про-
граммой жизни, а ее судьба — мо-
ральным примером терпения и
стойкости.

А как происходила сама съем-
ка? Я обратился к настоятелю Ни-
кольского собора с просьбой раз-
решить снять отпевание Анны Ан-
дреевны. Он меня, естественно,
отправил в горисполком, в отдел
по делам церкви. Я добросовест-
но туда сходил, но не застал че-
ловека на месте, а событие не
ждало. Работали два оператора.
Аркадий Розентул, которого уже
нет в живых, и Анатолий Шэфрай.

Отец Петр — он, к сожалению,
умер буквально две недели на-
зад, — пустил нас на отпевание,
зажег все люстры. А ведь тогда
это было просто опасно для него,
он совершил по-настоящему
гражданский поступок. Меня после
этой съемки разжаловали в
ассистенты режиссера.

— А сейчас, уже в наши дни,
много ли было досъемок? Ведь
картина построена в основном на
архивных материалах. Какими
изображениями Ахматовой распо-
лагает Госфильмофонд в Красно-
горске!

— Да, кое-что мы доснимали. В
Никольском соборе, в Комарове,

Как Феникс

в Переделкине для эпизода, свя-
занного с Пастернаком. Нам надо
было доснять материал, чтобы по-
казать историю отношений Ахма-
товой с Гумилевым, Блоком, Ман-
дельштамом и т. д. в виде емких
и неидентичных сюжетов.

Бралось только самое существ-
ственное, при этом нам важно бы-
ло сохранить эту оборванность,
недосказанность отношений. Ведь
практически каждая линия отно-
шений Ахматовой с близкими ей
по духу людьми оканчивалась их
гибелью или изгнанием из стра-
ны, как это случилось с Солжени-
цыным.

Наша картина не столько об
Ахматовой, сколько о личности
поэта и времени, в котором он
живет. Сейчас появилась возмож-
ность общения, осознания мес-
та Ахматовой в нашей культуре.

Она у нас тот центр, то солн-
нышко, от которого расходятся
незримые лучики. И в то же вре-
мя это очень крепкие духовные
связи, создающие круг русской ли-
тературы. Мы старались прояснить
ее темные пятна.

Изображений Ахматовой сохра-
нилось очень мало. Первое ее
появление на экране, там, где она
идет по комаровской дороге и за
кадром звучит ее голос, читаю-
щий «Музу», снято итальянским
телевидением. Находкой можно
считать ее лицо, снятое в февра-
ле 1946 года в Доме писателей на
предвыборном собрании по выд-
вижению кандидатов в депутаты.
Нам пришлось немало потрудить-
ся, чтобы это лицо выкадровать и
увеличить. И, наконец, Анна Ан-
дреевна, снятая каким-то люби-
телем на узкую пленку. Вот и
вся живая Ахматова. А самое по-
следнее ее изображение — это

наша съемка на похоронах в мар-
те 66-го.

— В этом эпизоде, когда выно-
сят гроб из Дома писателей, и по
дороге на Комаровское кладби-
ще, много известных лиц, но есть
и те, которые мало знакомы зри-
телю...

— Ее хоронили люди, близкие
к ней особенно в последние годы.
Это лауреат Нобелевской премии
Иосиф Бродский, поэты Евгений
Рейн, Арсений Тарковский, Миха-
ил Дудин, Анатолий Найман, Бо-
бышев. Был, конечно, и ее сын
Лев Николаевич Гумилев. Кстати,
на просмотре фильма, ему устро-
или настоящую авиацию.

— Вы уже назвали людей, сос-
тавляющих круг общения Ахма-
товой на протяжении всей ее жиз-
ни. Их можно назвать светлыми
силами. Но ведь были и другие
ее современники, те, которые
противостояли всему чистому и
гуманному. Они показаны отно-
ду не злодеями, а скорее карикату-
рами. Взять, к примеру, эпизод,
когда Хрущев в окружении свиты
примеряет белую чабанскую па-
паху. Или такой добродушный,
обаятельный Брежнев, при появ-
лении которого начинают громко
трубить фанфары и наступает как
бы всеобщее ликование. Или мир-
но разглаживающий усы Сталин.

И лишь страшные кадры лаге-
рей, веренищ заключенных, пла-
чущих женщин показывают нам,
что стояло за улыбками вождей.
Из этого противопоставления мо-
жет родиться мысль, что этот кон-
фликт, это противостояние — не-
обходимейшее условие существо-
вания поэта. Ведь если все будет
хорошо и у поэта ни о чем не бу-

из пепла...

дет болеть сердце — о чем же он будет петь!

— Но ведь большие поэты и художники существовали и до Октябрьской революции. Правда ведь? У нас же было нарушено очень много нормальных человеческих основ. Поэт — это личность очень глубоко и быстро чувствующая, он, как громоотвод, который принимает молнии на себя.

Будут ли социальные или национальные катаклизмы, возникнут ли вопросы войны и мира — поэт это всегда чувствует первым. Картина как раз об этом — о противопоставлении светливой, бессмысленной, глупой жизни «вершителей судеб» и миропонимания художника. Поэт — как огромный айсберг!..

Кто из сегодняшних молодых помнит Кагановича, Маленкова — да где они все? А ведь они могли одним махом лишить жизни, что и делалось. Сегодня многие или просто снисходительно забывчивы к ним, или ненавидят их за тот вред, который они принесли стране.

Сегодня мы как бы предъявляем им крупный счет за их схоластику, за времяпрепровождение на престоле. Мы очень многое из-за этого потеряли — и страна, и партия, и наше социальное благополучие, и здоровье поколений...

И я не могу без иронии относиться, например, к Хрущеву, который так легко, как ботинком постучать по трибуне ООН, мог свергнуть нас в войну с американцами. Или Брежнев, втянувший в афганскую историю.

Куда? Зачем? За что? Ни на один вопрос нет ответа.

Но дело прошлое, полустанок остался позади. Время выявляет

вечные ценности...

Но меня поражает та наивность, с которой многие пытаются об этом забыть, простить и не вспомнить. Меня поражает и та жестокость, с которой люди сегодня опомнились и хотят все крушить.

Все крайности у нас. Отчего у нас такие крайности? От несовершенства нашей жизни. Все мы — пресса, писатели, кинематографисты — должны понять те процессы, которые сейчас происходят внутри народа. Мне кажется, мы не должны занимать примиренческую позицию, и в то же время мы должны останавливать людей, которые готовы все крушить, дабы компенсировать ту несправедливость, которая была вчера. А ведь это может привести к очень плохим последствиям.

Если мы хорошо относимся к своей стране, то обязаны понимать, что защита культуры никак не может соединяться или отождествляться с нанесением вреда другому. Прогресс и нетерпимость — антиподы. Поэтому нам так и важно было показать эту плеяду русских писателей — великомучеников, являющих нам моральный пример.

— О музыкальности ахматовской поэзии говорилось и писалось уже много. В вашем фильме музыка великолепно и точно, хотя и несколько непривычна. Как она создавалась?

— Я услышал музыку Софьи Губайдулиной раньше, чем начал снимать картину. Это было на фестивале камерной музыки в Западной Германии, где звучало ее произведение на евангельские темы «Семь слов». Тональность этой музыки, мироощущение композитора соответствует ахматов-

скому. Мне кажется, что это абсолютно точное попадание.

В нашей картине использована и музыка Александра Кнайфеля, с которым мы давно сотрудничаем.

Вообще, мы строили фильм об Ахматовой как музыкальное произведение, сотканное из тонких, на первый взгляд, не связанных между собой нитей. Кому-то, например, может показаться странным и ненужным использование кадров хроники, снятых в Москве в 30-е годы, «описывание» ценностей храма Христа спасителя. Так это тогда называлось — «описание». Не «забирание», не «изымание», не «воровство», наконец.

Но ведь эти реальные кадры символизируют разрушение культуры, тех основ, которые во многом сделали Ахматову поэтом. Она была глубоко верующим человеком, и ей было, может быть, во сто крат труднее держаться после этого «разгула атеизма»...

— Как вы вообще относитесь к тому, что нынче так широко отмечается юбилей Анны Ахматовой! Может быть, это просто еще одна формальная дань памяти последнему русскому классику!

— Я считаю, что это очень большое завоевание нашего времени, нашей культуры. Для меня она — наша современница. Хочется верить, что на второй сотне лет она будет жить более счастливо.

Время выявляет истинные ценности, благодаря им оно и существует и движется вперед. Голос великого поэта — одна из этих вечных непреходящих ценностей. Хотя, как говорила сама Анна Андреевна, «стихи, даже самые лучшие, не приносят поэту счастья».

Беседу вела
Н. ШМИТКО